
ДЖУЛЬЕТТО КЬЕЗА

В СУМЕРКАХ “ДОГОВОРНОГО КАПИТАЛИЗМА”

Беседы с Владимиром Поповым и Валерием Бадовым

Время “бэббитов”

Владимир Попов: Готовясь к нашей беседе, г-н Кьеца, я вновь перечитал четырехтомник Питирима Сорокина “Социальная и культурная динамика”. И вот какая мысль “русского гарвардца” мне запала. “... Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный социокультурный дом рухнет. Его падение сметет договорную демократию, договорный капитализм вкуче с частной собственностью и договорное общество свободных людей”.

Суровое предостережение Питирима Сорокина датировано пятидесятью годами прошлого века. А ведь это “золотой век” Америки! И годы “экономического чуда” в Германии и Италии. Ничто, казалось бы, не предвещало сумерек договорного капитализма. Но, как мы теперь убеждаемся, гениальный социолог оказался прав.

Сознают ли, на Ваш взгляд, американцы и западные европейцы, что, как Вы высказались в книге “Восток–Запад”, в зените своего преуспевания они “... достигли последней остановки. Дальше ехать некуда”. Или, и в самом деле, это превыше интеллектуальных и познавательных способностей современного западного политика?

Джульетто Кьеца: Я говорю о том, что мы достигли рубежа, после которого дальнейшее капиталистическое развитие, в формах роста в геометрической прогрессии, которые оно приняло с началом процесса глобализации, становится несовместимым с выживанием живой природы. Мы перешли эту грань уже лет 25 назад.

Валерий Бадов: Питирим Сорокин, с его эсхатологическими предвидениями, чужд и недоступен для новорусского общества и его “элиты”. Для них Запад – образ земного рая, где время замерло. Никакие “социологические мистерии” не омрачают радостей потребительства и накопительства. Отечественный “медовый термидор” обольстил и умиротворил человека среднего достатка и крепкого, якобы обывательского рассудка, который от добра добра не ищет. Этот малый, выгадывающий не думать, а “годить”, и является опорой нынешней власти.

В. П.: Нам, русским государственнымникам, нечего сказать, досадно, что “сон в синем тереме” так крепок и сладок, что наших соотечественников не до-

Продолжение. Начало в № 6 за 2008 г.

будишься. Приглядимся, однако, пристальней, что это за фигура “среднего человека”, перед мнением, настроением, благоволением которого наперебой заискивают во всем свете политики, масс-медиа, маркетологи и даже топ-менеджеры транснациональных компаний? Вот его саркастический, зато точный портрет у того же Питирима Сорокина. “Заурядный человек – этот наследник веков. Однажды названный “средним человеком”, одним из тех, кого Рикардо окрестил экономическим человеком, а Синклер Льюис дал имя *Бэббита*. . . теперь он заменил Цезаря и Александра, Шекспира и Джорджа Вашингтона в качестве героя “новой” истории”. Готов поручиться, таковы же и русские “бэббиты”, новая популяция, которая год от года прибывает и матерееет.

А тем временем бэббиты американские, от Большой Политики, влезли в иракское поlying пожитья и не знают уж, как унести ноги. Французские – протолкнули в президенты ставленника транснациональных компаний и “американолюба” Саркози. Бэббиты все, поголовно, уверены, что от глобализации им обломится, и не поверят нам с вами, “алармистам”, что “дальше ехать некуда”. “Золотой миллиард” намерен еще долго благоденствовать, что бы ни приключилось с остальным миром.

Оптимизм Сорокина был совсем иного, стоического характера. Он, под венец своих мрачных предчувствий, таким видел исход: “Западному обществу, очищенному огнем катастрофы, будет ниспослана новая благодать, но вместе с ней воскрешение и высвобождение творческих сил”. Таков был искупительный символ веры русского провидца, но Питирим Сорокин не загадывал, не называл сроков – сколько еще осталось на часах Истории “договорному капитализму”. “Фактически мы живем в эпохе Сомнения”, – писал он в середине 50-х годов прошлого, драматического столетия.

“Восстание умов” и покорство душ

В. П.: Хотел бы обсудить тему, которая меня очень волнует. Беснование неофашистов в Таллине при молчаливом попустительстве Европейского сообщества навело меня на невеселые размышления. Похоже, своего рода негласный антифашистский пакт народов освобожденной Европы от 1945 года расторгнут. Бронзового солдата-освободителя эстонские власти свергли с постаментов, а ветеранам-эсэсовцам оказывают государственные почести. Это ли не оскорбление нашей общей памяти о войне? Фрау Меркель, которая председательствовала в Европейском сообществе, открыто вступилась за эстонских нечестивцев. Якобы во имя “европейской солидарности”. В самой же Германии, известно, пронацистские акции, даже пропаганда, подвергаются уголовному преследованию. Цинизм и двойные стандарты не новы, но мера цинизма на этот раз меня поразила.

Да, мы, русские, оскорблены. Но почему холодна и безучастна Европа? Ведь отдано на поругание то последнее, что нас до последнего времени соединяло – непримиримость к нацизму, его идеологии и последышам на всем нашем континенте. То неладное, что творится в эстонском захолустье Запада, не какой-нибудь политический курьез. Ведь это чистое недоразумение и фарисейство причислять одиозные прибалтийские режимы к почтенному сообществу демократий. На самом деле это этнократии последнего пошиба. Там самый настоящий апартеид, вопиющее гражданское бесправие русского меньшинства. Помрачение умов провинциальной политической элиты, которая в открытую отождествила себя с коллаборационистским эстонским режимом в Эстонии 1941–1944 гг. – угодливым и преступным союзником нацистской “Великой Германии”. Это ли не вызов всем европейским хартиям, конвенциям о правах человека и просто – политическое неприличие? Если Европа взяла сторону Эстонии, то как же быть с хвалеными “европейскими ценностями?” Да, лгать, лицемерить и блажить для политиканов – дело привычное, но где голос общественного мнения? Что-то не слышно, чтобы левые партии в странах Европы вывели своих сторонников на улицы протестовать против тех, кто оскорбил Бронзового солдата, подверг полицейской атаке его защитников – слезоточивым газом и резиновыми пулями.

Не будем, однако, слишком далеко заходить в негативных обобщениях. В самой-то Европе фашизм не прощен. Коллаборационистские режимы Виши и Республики Сало никто не собирается оправдывать. Эстонский “почин” вроде

бы и не в счет. Но контекст удавшейся, что ни говори, таллинской провокации, которая развела ЕС и Россию по разные стороны, внушает острую озабоченность. Не появилось ли в европейском политическом пространстве, самом воздухе что-то необычное, скверное, довлеющее над менталитетом европейцев – политиков и обывателей? Не происходит ли в старой Европе, я бы сказал, угасание демократического и антифашистского пафоса, которое можно почуять даже отсюда, издалика?..

Д. К.: Существующая сейчас форма капитала предполагает авторитарную форму управления миром. *Демократии нет места в царстве необходимости*. Она трансформировалась в выработку обязательных решений, которые исходят от структур абсолютно и тотально антидемократичных, таких, как корпорации. Эта форма правления приводит к отмиранию демократии и ее замене режимом контроля более или менее фашистского толка (конечно, в совсем новом, оруэлловском смысле слова).

Конечно, в какой-то момент транснациональный суперклан может утратить контроль над событиями. Но мы не сможем оказывать ему действенного сопротивления, пока у нас не будет глубокого осмысления новейшего перевоплощения капитализма на заре XXI века.

Новый капитализм и вся система недемократического манипулирования обществом и личностью тесно связаны со всемогущей системой масс-медиа. Последняя выдает себя, ложно, за оплот демократии. Мы утрачиваем демократию, не осознав всей опасности этой метаморфозы.

Ренегаты и перебежчики

В. П.: В книге “Восток–Запад” Вы пишете: “У нас в Италии была партийная демократия, при которой угнетенные классы сумели создать существенную гегемонию в свою пользу”. Это весьма интригующее утверждение. И дальше: “Мы не состояли в национальном правительстве, но мы правили – и хорошо правили! – половиной Италии на местном уровне”. Компартия Италии, по Вашей веской оценке, ветерана и одного из идеологов ИКП, была влиятельна, укоренена в недра развитого капиталистического общества Аппенин глубже, чем буржуазные партии. За исключением правящей демохристианской. И в самом деле, на протяжении десятков лет, даже в разгар итальянского “экономического чуда”, ИКП неизменно получала на парламентских выборах более трети голосов. Мы, в Советском Союзе, были воодушевлены, гордились мощью, моральным авторитетом итальянской компартии, а другая сверхдержава, по ту сторону Атлантики, испытывала настоящую фобию к ИКП и ее долгой несокрушимости. И мы помним “красную Болонью”, Геную, Неаполь, мэрами которых многие годы избирались коммунисты. Даже в богатой Тоскане ИКП имела сильную позицию...

Емкое представление о политической жизни в Италии 70–80-х годов я почерпнул именно в Вашей книге. Понял, каким сильным и плодотворным было влияние итальянских коммунистов на все демократическое развитие общества после Второй мировой войны. И что только воля, решимость и интеллект ИКП, политическое искусство ее лидеров позволили сохранить в неприкосновенности основу прогрессивной Конституции Республики, принятой на волне народного воодушевления победой над фашизмом. Несомненно, сколько я могу судить, самой влиятельной и авторитетной левой силой в Западной Европе была именно партия Тольятти и Грамши.

Преобладающее влияние компартии в профсоюзном движении, способность ее к мобилизации масс, как известно, сорвали несколько попыток правых переворотов и заговоров. Мы в Советском Союзе с особым уважением относились к внутренней демократии в ИКП. В каком-то смысле традиция Итальянской компартии была для нас образцом соединения интеллекта, нравственности и духовности в политике. Нам по душе был ваш дух демократизма, свободомыслия и товарищества, которые в советской партийной номенклатуре в значительной степени были уже утрачены. Партия, которая выдвинула такие выдающиеся умы, как Грамши и Тольятти, и, понятное дело, действовавшая в совсем других цивилизационных координатах, заведомо не могла быть во всем безоговорочно согласна с “линией Москвы”. Все помнят знаменитое письмо Пальмиро Тольятти XX съезду...

Известно, что в 70-е годы, в самом зените своего восхождения, левые силы Италии понесли тяжелый урон, связанный с похищением и убийством влиятельного политика правящей демохристианской партии Альдо Моро. Последний вынашивал замысел создания широкой, небывалой для Запада демократической коалиции во власти с участием ИКП. Впоследствии было документально доказано, что в похищении Моро ультралевыми экстремистами замешаны американские спецслужбы, крайне правые итальянские политики, а также темные личности из политического закулисья. Заклание жертвы, потрясшее страну, по Вашим словам, совершено было руками “услужливых идиотов из “красных бригад”. Буржуазная пресса неспроста до сих пор их романтизирует. А тогда, в конце 70-х годов, как Вы выразились, ИКП потерпела “военное поражение”. Ненавистники компартии прибегли к насилию и провокации, потому что переиграть вас на поле публичной политики ни у кого не получилось. Италию в те годы потрясли акции террора, получившие название “стратегии напряженности”.

Еще более горькие, драматические испытания настали для ИКП в конце 80-х, когда в Советском Союзе разразилась гorbачевщина, рухнул СССР и распался Варшавский договор. Вслед за этим западноевропейские компартии сошли со сцены, рассыпались на осколки... Либеральная контрреволюция, увы, торжествовала, и это улюлюканье до сих пор не уймется. Мы, все вместе, потерпели поражение, которое до сих пор еще до конца так и не осмыслено. Препней ИКП уже нет, демократические силы Запада лишились одного из своих оплотов. Французская и итальянская компартии, сильные во все времена, ныне впали в пораженчество, раскололись, утратили дух борьбы и историческое видение. Ослабла связь с массами, и весь левый фланг накрыла волна ренегатства. Бывший коммунист Д’Алема председательствовал в правительстве Италии, когда страна ввязалась в агрессию НАТО против Югославии. Бывшие креативные теоретики ИКП “новой волны” теперь изобретают выборные технологии для либерала Берлускони. Неoliberalизм завел гнезда в рядах левых и, как Вы пишете, “левые все сместились к центру, где все кошки серы”. Высокий идейный и этический дух ИКП выветрился. Вы с презрением и горечью отзываясь об этом великом сращении итальянской левой.

“Все мы стали подданными либерализма”, – с невеселой иронией говорите Вы, и этот сарказм справедлив. Как же нам, в Италии и России, избавиться от такой постылой участи? Возможно ли, на Ваш взгляд, возрождение итальянской Компартии, и если это произойдет, случится ли оно на платформе еврокоммунизма, суть которого так и осталась непроясненной, или на какой-то иной?

Д. К.: 1989 и 1991 годы оставили свой след. Реальный социализм был сметен, потому что оказался не способным конкурировать с динамикой *турбокапитализма*. Коммунизм для широких масс планеты отождествлялся с реальным социализмом в СССР и странах Восточной Европы. Падение первого означало кончину второго. Многие сдались.

Нет, никакого возрождения компартии в обозримом будущем невозможно. Мы находимся на завершающей стадии гигантского исторического поражения. Нужно исходить из этих реалий и начинать вновь познавать мир во всем его противоречивом многообразии, объединив интеллектуалов разных традиций и происхождения. Необходим новый синтез.

“Русская Янань”

В. П.: “Смутное время завершилось, – читаем у Ключевского. – Итоги его для России были неутешительны. Европейская часть страны значительно сократилась”. И вновь, как в XVII веке, мы, великороссы, оказались потеснены, а Смоленск и Белгород стали новым пограничьем. Утраты нового Смутного времени еще, быть может, когда-нибудь в грядущем, восполнимы, но федерация южных славян на Балканах, похоже, канула в Лету. Не сомневаюсь, что Запад, как только управится с “зачисткой” западной части славянского мира, возьмется за нас, восточную ветвь. Года три назад, выступая в Измайлово на съезде народов России и Белоруссии, я сказал, что Белоруссия сегодня – наша русская *Янань*, вольная, освобожденная территория сла-

вянства. Почему Белоруссия вызывает такую дружную фобию и наших либералов во власти, и у вас, в Европейском сообществе?

Д. К.: В Евросоюзе сложилось сильное антилукашенковское лобби, в котором заводилами поляки, так как они имеют свои виды на Белоруссию, и они даром времени не теряют. Проводят громкие демарши, опекают и наставляют белорусских оппозиционеров. Ведется массивная пропагандистская кампания против Белоруссии в масс-медиа, оплачиваемая из различных “правозащитных” фондов, а также непосредственно из государственных бюджетов европейских стран...

В. П.: Давайте задумаемся, отчего и Кремль проявляет все большую немильность к своему единственному, как перст, союзнику. Никакой загадки здесь нет. Беларусь является наглядным, неммым укором всей той ущербной и ничемной политике, которую проводила “демократическая” власть в России все последние пятнадцать лет. Лукашенко своим крестьянским умом додумался и делом доказал, что, не разбазаривая народное добро, не распродавая за гроши крупную государственную промышленную собственность, а, напротив, сплачивая все ресурсы развития в руках государства, можно добиться настоящего успеха в экономике, создать прочную материальную основу государства, и, сократив, сколько можно, социальные издержки, войти в рынок.

В Белоруссии “разгосударствление” промышленности и сельского хозяйства проведено с толком, умом и дало замечательные плоды. Белорусское народное хозяйство сохранило целостность, управляемость, поступательный темп развития. Уровень ВВП 1990 года давным-давно превзойден, а темпы и качество экономического роста Беларуси превосходят российские. И все это – в отсутствие в белорусской экономике значимой природной ренты. Потому для наших туземных “монетаристов” белорусская модель хозяйства и является воплощением “скверны”. Они договариваются даже до того, что в Белоруссии нет прав частной собственности. Якобы Лукашенко самолично рассылает “указивки” на каждое предприятие и колхоз. Оттого, видать, у них и урожаи пшеницы под 60 центнеров...

Убеждён, однако, разность наших экономических моделей не является препятствием для глубокой интеграции экономик, построения единого рынка и общей таможенной границы...

Лукашенко реальный, жесткий политик. Для меня он пример воплощенной политической воли, лидер нации, который следует строгому канону – не предавать, не уступать, сколько возможно, ни пяди, но и не идти напролом. И я скажу, что с ним можно иметь дело, если и впрямь решиться на новую парадигму в российской политике. Про это у нас больше разговоров, чем дела.

Если Беларусь мы утратим, не перестаю об этом бить в набат, – мы, русские, удалимся восвояси в “Московию”. Геополитически Россия откатится в евразийскую “тундру”, и когда-нибудь новый Ключевский скажет с укором, какие же мы были олухи. Устранение нашего белорусского союзника, о чем лелеют думку многие влиятельные лица в Белокаменной, никому в России не сулит ни добра, ни барыша. Если наша геополитическая граница отступит к Смоленску, то это и означает для России катастрофу геополитическую, экономическую и духовную. И те, кто испытывает терпение белорусского президента, право, не ведают, что творят...

Д. К.: Американская администрация и ее европейские союзники открыто заявляют, что их цель – свергнуть Лукашенко и установить в Минске “дружественный”, то есть марионеточный, режим. И это вполне прагматичная, последовательная политика. Но вот в чем корысть тех, кто донимает Лукашенко в Москве, наносит экономический урон Белоруссии под риторику “рыночных” отношений, которые, дескать, равно не различают ни друзей, ни недругов? Могут ли они не сознавать, что, ополчившись против Лукашенко, отдадут Белоруссию в руки Америки? Разве акционерам Газпрома вовсе невдомек, что отпадение Белоруссии, разрыв ее с Россией, рано или поздно ударит по экономическим интересам их корпорации?

Грызлов в Охотном, Ллойд Джордж в Генуе?

В. П.: Полагаю, понимание такое есть. В правлении Газпрома работают менеджеры, которые хорошо знают контекст. И даже если акционеры Газпро-

ма преследуют, выкручивая руки белорусским партнерам, чисто меркантильные бизнес-интересы, от политики им никуда не деться, не откреститься. В нескончаемых ожесточенных торгах и сварах вокруг цены экспортного газа с украинской властью, разными ее закулисными группировками, последнее слово остается за политическими решениями, компромиссами на самом “верху”.

Блажен, кто верует, что большому бизнесу никто и ничто не указ. У Газпрома и дела-то идут в гору во многом потому, что ни одна корпорация в мире, наверное, не имеет такого влиятельного лоббиста. Это не кто иной, как Владимир Путин. Его визиты в Казахстан и Туркмению тому свидетельство. Путину удалось подписать стратегическое соглашение с Астаной и Ашхабадом о строительстве Транскаспийского газопровода и реконструкции газопроводной системы советской постройки Средняя Азия – Центр. Соглашение позволит направить дополнительные ресурсы природного газа из месторождений Средней Азии на Север, в Россию, и дальше – на европейский рынок. До последнего дня на слуху был другой маршрут среднеазиатского газа через Каспий, Азербайджан, Турцию в страны Средиземноморья. На это горячо надеялись на Западе. На сей раз двойная, геополитическая и бизнес-интрига, разрешилась в пользу России и Газпрома.

Даже американцы сделали хорошую мину, будто не видят ничего зазорного в среднеазиатском соглашении. Но мы еще увидим со временем, как стороны поладят. Как бы опять на попятную не пошла российская сторона! И вновь, опасаясь, верх возьмут корпоративные интересы, а не государственные. Газпром хоть и принято считать национализированной компанией, на самом деле управляется как типичное акционерное общество, в котором главой всему интересы корпоративные, частные. Иностранцы держатели акций имеют в Газпроме блокирующий пакет. Это позволяет им косвенно влиять на принятие стратегических решений. Газпром задался целью не только быть ведущим поставщиком, но и крупным торговцем природным газом в Западной Европе. Наконец, проглядывает и стратегическая задумка преобразовать Газпром в транснациональную корпорацию мирового уровня. Такую, что будет способна вести бизнес везде, где есть источники и рынки углеводородов, возможность заработать прибыли. Газпрому уже мало России. Точно так же как и “Эксон-Мобил” тесно в Америке...

Путин поддерживает закордонные предприятия повзрослевшей новорусской буржуазии. Последняя, при внешней смиренности, оказывает “мягкое” давление на власть, добивается все новых поблажек и преференций. Конечно, в любой стране власть призвана защищать и продвигать интересы национального бизнеса в международной конкуренции, но правительство прежде всего ответственно перед гражданским обществом. На Западе это как бы само собой разумеется. А в России на этот счет бабушка надвое сказала. Иногда не сразу и возьмешь в толк: то ли олигархи, которых горстка, переставляют ноги правительству, или правительство наставляет бизнес на путь праведный? Если приглядеться к фактам и не принимать на веру путинскую риторику, то куда ни кинь, государство остается с носом, а у заправил корпорации и номинантов “списка Форбса” дела идут как по маслу.

В. Б.: Не так давно мы с Владимиром Даниловичем обсуждали эти занимательные материи. Кое-какие мысли нанесли конспективно на бумагу. Вот несколько акцентов из этого конспекта. В чем разница целеполаганий команды Путина и группы Чубайса? В стратегическом плане они совпадают. И те, и другие тяготеют к западному миру и не оставляют надежд, что Россия рано или поздно протиснется в заветный “золотой миллиард”. Но есть и разница: расчеты и делишки Чубайса – приземленные, но реалистические, а стратегические ставки Путина высоки, но в чем-то утопичны. Если упростить контекст, то Путин, очевидно, мыслил себя после завершения срока президентства контролирующим по-прежнему крупнейшую в мире транснациональную нефтегазовую компанию. Он хотел бы находиться с главами крупнейших мировых ТНК за одним “круглым столом”, где “без протокола” обсуждают дела в мире и делают бизнес. Этот замысел, если я его верно понимаю, не вполне учитывает, насколько иерархичным, замкнутым является внутреннее устройство мировой Корпорократии или Суперклана, как Вы, г-н Кьеца, ее называете в книге “Война империй”. Корпорократия Запада вряд ли примет в свой тесный круг кого-то со стороны, даже с активами в треть триллиона долларов, потому что

это исключено – по определению. И еще потому, что мировая Корпорократия – семья, узкий круг наследников известных “Семи сестер”. И в эту семью, как и в “почтенное общество”, нельзя прийти с улицы. Тем более, когда в мире только еще разворачивается отчаянная схватка за убывающие ресурсы углеводородов.

Д. К.: Мне кажется, что ваши прогнозы не оправдаются, принимая во внимание последние решения Путина, который, судя по всему, будет находиться во главе правительства на протяжении будущих пяти лет. Его положение, скорее всего, окажется более влиятельным, чем у хозяина Газпрома. Возможно, он будет даже сильнее Дмитрия Медведева, который формально сохранит те же полномочия, что были у предшественника. Но вряд ли его мнение станет решающим при принятии важнейших решений в масштабах страны.

В. П.: По всему видно утратит или не утратит В. В. Путин свое высокое официальное положение в России, он неминуемо подвернется с Запада сильнейшему накату. Куда более жесткому, чем сегодняшняя кампания шельмования его в масс-медиа Запада. И Газпрому, полагаю, тоже несладко придется. Неспроста американский конгресс грозит карами, если Газпром еще хоть шаг сделает к созданию газовой ОПЕК.

Путин – прагматик, не склонный к опрометчивым решениям, но, думаю, он не предвидел, что его выгодное предложение “обмена активами”, взаимного доступа на энергетические рынки России и Запада получит жесткий отпор. Возможно, он переоценил меру сближения с Западом. Общаясь лицом к лицу с первыми персонами западного мира политики и бизнеса, Владимир Владимирович не вполне осмыслил, насколько закоренела в этом мире кастовость. И, я бы добавил, зловредный дух маркиза де Кюстина в отношении “варварской” Москвы.

Конфликт интересов и “полевая” коррупция

В. П.: И все-таки, почему западноевропейцы не противятся тому, чтобы НАТО выдвигалось к Белгороду и Таганрогу под самую российскую глубинку, граничащую теперь с единокровной Украиной так тесно, что линия границы с “незалежной” пролегает иной раз по плетням деревенских огородов родственников, сватов и кумовьев? Западные европейцы потакают “американскому зятю” Ющенко, который вбил себе в голову, что по-настоящему, на века вечные Россию и Украину разведут по разные стороны НАТО и ЕС, если удочерят Украину-бесприданницу. “Атлантисты” в Киеве грезят наяву и грозятся москалям скорым вступлением Украины в НАТО. В Брюсселе же натовские военные чины говорят об этом, как о деле почти решенном, кажется?

Д. К.: Продвижение военной машины НАТО все глубже на Восток вовсе не в интересах западноевропейцев. Иной умысел имеет Америка. Я критикую Соединенные Штаты, потому что они все более агрессивно ведут себя. Например, вашингтонская администрация далеко зашла в подготовке силовой акции против Ирана, которая одно время казалась уже неотвратимой. Чтобы не оказаться заложниками этой агрессивной политики, нам, европейцам и русским, надо договариваться и держаться друг друга.

В. Б.: Политика в наше время, как никогда, завязана на бизнес-интересы не в национальном, а глобалистском масштабе, олицетворением которого является Корпорократия... Транснациональные компании все более склонны к силовому разрешению того, что еще недавно считали “проблемами развития”...

Д. К.: Силовое разрешение противоречий в конфликтных зонах мира, прежде всего на Ближнем Востоке, влечет нас к катастрофе. Новые вызовы XXI века наглядны. Это ограниченность, истощенность сырьевых ресурсов. Необратимость, по всей видимости, глобального изменения климата. Несправедливость международного разделения труда и доступа на рынки. Эти угрозы миропорядку требуют такой высокой способности договариваться, готовности к уступкам каждой стороны, каких мир не знал до сих пор. Мы призваны так улаживать дела, чтобы предупредить негативные сценарии будущего. На каждой стороне противостояния есть политики и аналитики, способные взвешенно, прозорливо, ответственно подходить к реальностям. Однако не они делают погоду, а крайне правые в американском истеблишменте, одержимые

идеей “оздоровительного” Армагеддона во имя установления нового мирового порядка.

Не так давно отмечалась двадцатилетняя годовщина соглашения Горбачева и Буша-старшего по ограничению стратегических вооружений (СНВ-1). Разоруженческий посыл 80-х годов полностью иссяк. Острое соперничество возобновилось. Новое поколение стратегических вооружений пополняет арсеналы ядерных держав. И все новые страны хотят обзавестись ядерным оружием. Как этому воспрепятствовать? Разумно ли смириться с тем, что ядерным оружием обзаведутся страны, вовлеченные в конфликт с Западом?

Между тем международный порядок поражен все возрастающей нетерпимостью. Не допустить дальнейшего возрастания центробежных сил, сталкивающих страны и народы, искупить бессилие международных институтов возможно только в атмосфере доверия и доброй воли, которых, увы, сегодня нет.

В. П.: Г-н Кьеза, Вы рассуждаете о болях мира как человек свободный. Вы не отягощены миллиардной собственностью, и у Вас нет намерений ею обзавестись. А у нас в России меркантилизм и алчность элиты подмяли под себя государство. “Слепая неумная жадность” западных транснациональных корпораций, пишет Вы, имеет еще и “идеалистическую” подкладку и корнями уходит в мировоззрение протестантизма с его идеей избранничества. Наши же доморожденные рокфеллеры эсхатологией не окормляются, их “философия” денег и наживы имеет подлое, как говорили встарь, происхождение из “криминала”. Такой же приземленный взгляд на вещи присущ и российской политической элите. Он застилает горизонт ее видения реальностей. Высокопоставленный политик и его окружение, от воли и выбора которых зависят судьбы миллионов соотечественников, испытывают сегодня своего рода танталовы муки. С одной стороны, геополитические угрозы и уязвимость “экономики керосиновой лавки” побуждают их накапливать заделы на будущее, но куда горячее, острее их беспокойство и терзания, каково им самим придется, сохранят ли они положение во властвующей элите, когда покинут ключевые высоты в те самые времена, когда, по Питириму Сорокину, “сила станет правом”. Наша воспитанная при Ельцине в совершенном “пофигизме” элита легко оставит в сиротах общество, но не самих себя. Они видят реальность как бы в перевернутый бинокль.

Хотел бы обратить внимание еще на одну сторону коллизии бизнес–власть, на которую в домашнем кругу российской элиты не очень-то и делают оглядку. Известные западные политики, такие как Ричард Никсон, Вилли Брандт, Шарль де Голль – все они ушли от власти в частную жизнь с той же “сумой”, денежным и имущественным состоянием, с каким пришли к высшей власти. А все потому, что неписанный закон демократических обществ гласит, что самые высшие и престижные выборные должности, неприкосновенность президентов и премьеров заведомо исключает какую-либо их причастность к личному предпринимательскому интересу. Президенты и премьеры несут бремя власти под пристальным взором всей нации, своих политических сторонников и противников. В западном обиходе, насколько я понимаю, на властном Олимпе то, что деликатно называют “конфликтом интересов”, воспрещено. Даже косвенное касательство высоких должностных лиц, к примеру, к происходящим на фондовых рынках сделкам, спекуляциям, слияниям, поглощениям, банкротствам компаний заказано и законом, и традицией.

Уинстон Черчилль, когда его первоначальная карьера военно-морского министра рухнула, зарабатывал как частное лицо скромным писательством. Билл Клинтон, уйдя из Белого дома на покой, говорят, оказался гол как сокол и лишь с годами расплатился с адвокатскими фирмами. Экс-президент издал книгу мемуаров “Моя жизнь”, заработал солидный гонорар и только после этого выбрался из долгов. Ваш Берлускони, у которого была небезупречная репутация в бизнесе, имел большие проблемы с прокуратурой и судами. Никакой скидки на то, что он важная персона.

Нам, в России, невольно приходится только дивиться и, что греха таить, завидовать “строгостям” гражданского общества на Западе. У нас ведь никаких зарок нет. Безнаказанный вынос в знаменитой коробке из-под ксерокса полумиллиона долларов из казенного заведения – такое же символическое событие для “новой России”, как “бостонское чаепитие” для Североамериканской Республики. И когда власть имущие или их присные негласно имеют “интерес” при распродаже активов ЮКОСа, эти ловкие персонажи не могут, оче-

видно, взять в толк, что в глазах порядочных деловых людей на Западе, к которому наши нувориши с такой пылкостью и почтением относятся, они выглядят скомпрометированными навсегда.

Можно ли с ними иметь дело, доверять, полагаться на их репутацию, коли они, будучи во власти, оказались вовлечены в перераспределение “активов”, от которого за версту отдает ловкачеством? Коли мы ничего себе в карман не кладем, как бы дают понять западные политики искусившимся российским, так уж и вы – не обессудьте!

Вот недавно американская пресса разоблачила аферу. В оккупированном Ираке бесследно испарилось 12 миллиардов долларов, отпущенных конгрессом на насаждение “демократии” в Ираке и неотложные, “пожарные” нужды оккупационного режима. Похоже, целая орда лихоимцев, местных и заокеанских, прибыла в Багдад в обозе оккупационных войск... Это, так сказать, “полевая” коррупция. Трудно уследить за наличными раздачами под грохот канонады. Но никому ведь и в голову не приходит всерьез подозревать, что какие-то доллары из этих исчезнувших в неразберихе военного времени миллиардов прилипли к рукам неких должностных лиц в Белом доме...

И дело не в щепетильности, высокой этике чинов Белого дома, лихоимство и в Америке не диковинка, а загвоздка в том, что Закон един для всех. И никому нет потачки, а разные ветви власти в Америке зорко приглядывают друг за другом. Не ровен час! Не говоря уже о соглядатаях от соперничающей партии и “независимой” прессы. Последняя способна подвести под монастырь самого президента за “пустяк”, как в “уотергейтском деле”. Высокий американский сановник знает: если он “искусится” копеечкой, то вмиг окажется зачумленным, будет вышвырнут из политического класса. А то и вовсе в “кутузку” угодит. Конечно, западный истеблишмент не из праведников состоит, но пребывание в нем накладывает, кроме острастки и кары закона, жесткие этические ограничения мздоимству, которое тенью крадет за любой властью.

В России же олигархической коррупционное исподнее власти выставлено напоказ. Премьер Фрадков, в бытность премьером, на глазах телекамер недвусмысленно уличал министра в лоббировании бизнес-интересов, а тот и не думал подавать в отставку... Другой министр, отвечающий за госинвестиции, глубокомысленно излагает, что государство не должно вкладываться в экономику, потому что госинвестиции непременно “разворуют”. И все с ним, “многопытным”, охотно соглашаются. Это словно явление природы: пчела берет взятку с цветка, а чиновник – мзду с оборота казенных денег. К слову, до революции 1917 года на шахтах англичанина Юза в Донбассе была такая профессия – “откатчик”, чернорабочий, который вывозил в поте лица на тачке пустую породу из забоя. Теперь у нас в каждом ведомстве свои “откатчики”! И в “тачке” у них иной раз по миллиону долларов.

Д. К.: Что я могу здесь добавить? Коррупция в России – это серьезная болезнь, это рак, который нелегко излечить. Безусловно, успеха нельзя достичь вне рамок политического проекта, основанного на высоких этических началах. Без интеллектуального и морального возрождения нации. А это немислимо вне развития демократии.

Коррупция укоренилась в России за последние пятнадцать лет. При советской власти такого не было. А сегодня это очень опасная, смертельная болезнь для общества. Я думаю, что борьба с коррупцией – не технический вопрос. Вы можете усилить милицию, все что угодно, – но и она сама будет коррумпирована. Здесь нужен новый политический проект, новое политическое мышление, новая мораль.

Опять возвращаемся к соотношению этики и политики. Когда вирус коррупции широко распространен в самих правящих верхах, антикоррупционные потуги и декларации тщетны. Общество зорко глядит, что там наверху, чисто ли? Если сверху идет очень плохой пример, получается, что все общество коррумпировано сверху донизу. Повторяю, когда речь идет о политическом проекте этического порядка – это и есть азы демократии. А я не вижу в России никакого продвижения вперед в сближении этики и политики. Это очень тягостно. Люди нравственно пребывают в одиночестве. Ведь нравственность означает участие, соучастие. Люди могут и должны быть участниками в структурах демократии. Считаю, что борьба за очищение общества от зла коррупции будет безуспешна вне расширения демократических институтов в России.

Вновь про 11 сентября в Манхэттене...

В. П.: Г-н Кьеца, мне не раз с интересом доводилось слушать Ваши острые, пронизательные политические комментарии на итальянском телеканале RAI, на российском телевидении, в левых изданиях. Вы там частый и желанный гость. Возможно, потому Ваши комментарии и оценки востребованы, что Джульетто Кьеца – один из немногих политиков и публицистов в присмирившей под американской “опекой” Европе, которые высказываются без оглядки на глобалистский истеблишмент и пресловутую “политкорректность”. Потому-то над каждым Вашим тезисом, политической гипотезой и инициативой хочется поразмыслить... В этой связи меня заинтриговало сообщение, что в Каннах состоялась премьера Вашего публицистического документального фильма о теракте 11 сентября в Америке. После нашумевшего фильма американца Майкла Мура “Фаренгейт 9/11”, который, к слову сказать, тоже имел премьерный показ в Каннах и широкий резонанс, почему Вы решили заново вернуться к этой все еще горячей теме?

Д. К.: Теракт 11 сентября – поворотное событие для всего нашего мира. Но далеко не все поняли, какие грандиозные и драматические последствия для миропорядка имела провокация мега-теракта. Увы, полного и объективного расследования американскими властями теракта на Манхэттене так и не было проведено. Наш фильм – расследование, сопоставление фактов, документов, свидетельств... Мы не выдвигаем новой версии происшедшего, а лишь пристально, пылливо рассматриваем всю документальную канву. В том числе и малоизвестные подробности, которые невольно вызывают все более острые вопросы, подозрения. Есть публичная книга-отчет об официальном расследовании теракта в Манхэттене. Текст ее занимает около 500 страниц. Я внимательнейшим образом ее проштудировал и отыскал в тексте более 200 мест, где – или заведомое вранье, или искажение фактов. Это не что иное, как тактика умалчивания, обычная в таких случаях. Вывод, к которому мы пришли, работая над фильмом, состоит в том, что необходимо новое независимое, полное и тщательное расследование всех обстоятельств теракта 11 сентября. Мы требуем, чтобы была создана международная следственная комиссия.

В. Б.: Как в Бейруте, где ведется международное расследование теракта, в котором погиб бывший ливанский премьер, крупный и влиятельный предприниматель Харири?

Д. К.: Возможно, это прецедент. Я не знаю, как это сделать. Могу сказать твердо только одно, что официальные американские власти поведали нам одну картину событий, а на поверку – картина иная, не совпадающая с официальной. Противоречия, нестыковки и пробелы в официальном расследовании слишком значительны, чтобы наша гражданская совесть была спокойна. Скажите, сколько башен рухнуло в тот кошмарный день? Они говорят – две. А на самом деле – три! Третья башня рухнула в тот же день в 5 часов 20 минут пополудни. Об этом факте в официальном расследовании нет разъяснения. Концы с концами не сходятся.

Мы измерили скорость падения башен Всемирного торгового центра – 6–7 секунд. Это слишком скоротечно для таких исполинских громад. И потом, обрушение слишком вертикальное. И третий пункт сомнения: под этими тремя рухнувшими башнями были обнаружены, спустя несколько недель, очаги сплавленного металла. Как если бы металлоконструкции подверглись воздействию чего-то, что нагнетало очень высокую температуру. Все это дает повод думать, что были применены, возможно, некие особые технологии. Эти факты и нестыковки свидетельствуют, что одного пожара недостаточно, чтобы произвести такие разрушения.

Конечно, во время работы над фильмом у нас не было возможности исчерпывающего анализа всей фабулы событий. Потребовались бы сильные, большие команды исследователей. Однако мы обнаружили все же достаточно фактов и несоответствий, чтобы сказать: официальная версия неправдива. И это можно доказать.

Мы не способны, конечно, достоверно воспроизвести все, что на поверку произошло в тот злосчастный день на Манхэттене, потому что у нас для этого не было достаточных исследовательских ресурсов. Поэтому и требуем созыва международной конференции, которая рассмотрела бы всю проблему

11 сентября во всей полноте и дала исчерпывающий ответ на сомнения, которые сильны даже в самой Америке. Это необходимо и оправдано еще и потому, что после террористической атаки на Всемирный торговый центр международное сообщество оказалось, так или иначе, вовлечено в опасные и необратимые геополитические последствия в Ираке и Афганистане. Они подавались Белым домом как отпор Америки силам международного терроризма. И эти последствия, необратимые для судеб мира, вопреки американской риторике, никак не совпадают с заявленной целью сокрушения “гнезд терроризма”.

В. П.: На это третье рухнувшее здание перекинулся пожар в башнях Всемирного торгового центра?

Д. К.: Пожар, мне представляется, не мог быть причиной обрушения третьего здания. Обрушение его произошло тем же образом, что и в башнях-небоскребах. По многим параметрам оно очень напоминает контролируемый снос. Очень быстрый и вертикальный. У нас в фильме есть документальные кадры, которые подтверждают вывод некоторых экспертов, что третье здание было обрушено управляемым взрывом.

В. П.: А людей там не было?

Д. К.: Нет, они успели выйти, эвакуироваться. Мы дознались, что это было за здание. И оказалось, оно находилось в ведении городской мэрии. В нем, по некоторым свидетельствам, проводились эксперименты, к которым была причастна служба безопасности города. Ровно через день после 11 сентября в этом здании как раз и планировались учения гражданской обороны. Полагаю, это не простое совпадение. Так что остаются многочисленные вопросы к американским властям. Чтобы они наконец пролили свет на все те факты и свидетельства, которые до сих пор не получили удовлетворительного объяснения. В нашем фильме использовались документальные видеосъемки событий на Манхэттене, которые принадлежат Си-эн-эн и Си-би-эс. По закону их нельзя использовать, не выкупив права. Загвоздка для нас, создателей фильма, была и в том, что никакие инвесторы не финансировали нашу работу над фильмом. Фильм создан на скромные средства тех, кто его задумал. Мои соавторы и помощники более трех месяцев работали безвозмездно. Наша лента – гражданская инициатива. Чтобы ей попасть в большой прокат, нужны значительные средства, которых у нас нет. Конечно, фильм можно посмотреть по интернету, но это сравнительно небольшой охват зрительской аудитории.

У меня были веские политические мотивы, побудившие меня инициировать создание этого фильма. Даже в Америке треть опрошенных не верит в официальную версию. Значит, и нас, европейцев, держат в неведении о чем-то важном, что еще повлияет на наши судьбы. Как и ожидалось, мы столкнулись с тем, что крупные масс-медиа Запада фильм замалчивают, невзирая на то, что один из авторов – депутат Европарламента. Правда, прошли три передачи на итальянском телевидении, которые просмотрели два с половиной миллиона человек. Увиденное задело людей за живое. В тех немногих кинотеатрах Италии, где нам удалось организовать прокат, картину посмотрели более 300 тысяч человек. Уже невозможно остановить фильм, положить его на полку. Он прорвался к зрителям. Вы можете спросить, есть ли в нем сугубая новизна, сенсация? Нет, это не входило в наши намерения. Наша цель иная – разбудить общественное мнение, пылкий сочувствующий интерес европейцев к тому, что же на самом деле произошло в тот трагический день на Манхэттене.

“Добро проистекает от зла”

В. П.: Если не возражаете, поговорим подробнее о российской “элите”. “В настоящее время российское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, новый культурный слой, состоящий из *кабатчиков, процентщиков, банковских дельцов и прочих казнокрадов и мироедов*. . . В короткий срок эта тля успела опутать все наши пенаты: в каждом углу она сосет, точит, разоряет и вдобавок нахальничает”. Это классическое описание в русской словесности нарицательного персонажа раннего, необузданного и алчного, российского капитализма XIX века. Слово в зеркале, видишь в нем обличье сегодняшнего “новорусского” дельца и его повадки – исчадие “либеральной”

ельцинской “революции” и растащивки 90-х годов. “Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и преданным пристальным изучением профессии завоевать себе положение в обществе. Это – праздный, немилостивый забулдыга, которому благодаря слепой случайности удалось уйти от каторги и затем слопать массу кишасших вокруг него “рохлей, ротозеев и дураков”.

Его нарицательное имя у Щедрина – Чумазый.

Борис Абрамович Березовский, заметим, выбился не из “забудыг”, а из “научных хлопцев”, как говаривают его контрагенты в Незалежной, но “разорять и нахальничать” кому хочешь даст сто очков вперед. И разве не стыдил Березовский всех нас, “рохлей и ротозеев”, что промешкали, сидя на печи, когда капиталы под ногами валялись, как груши-паданцы?

Дело, однако, сделано, российский список Форбса сверстан. Нам долго еще будет аукаться “реинкарнация” из тьмы веков архаического типа дельца-мироеда. Малый заведомо был прощен во всех своих плутнях идеологами “либеральной” Реформации, “рывка” к рынку и “обвальной” приватизации. Пригодился, по случаю, старый бухаринский лозунг “Обогащайтесь!” Бесценность первоначального накопления якобы на роду у капитализма написана.

Сущее наваждение – “триумфальное” возвращение ветхозаветных чумазых. Это исторический казус и неслыханное вероломство. У Вас, на Западе, господин Кьеца, либеральное сознание не способно себе уяснить, прочувствовать всю эту подлую проделку наших “западников”. Да мы и сами оглянуться не успели, как эти *мироеды*, вынырнувшие из прадедовских времен, в считанные годы успели опутать все наши “палестины”. “Чудом избежавшие каторги” ныне среди “столпов общества”. Они промышляют в узком кругу “денежных мешков”, откупивших у государства целые отрасли хозяйства, ренты и территории. Многие из них подались уже в филантропы. Им благодарствуют с амвонов и телеэкранов. Дух предпринимательства и стяжательства слились. Такова почти официозная перемена смыслов. Это записано в скрижалях “Экономикса для бедных”, чтобы не роптали. Экономист Джон Гэлбрэйт про такого рода непоколебимых “ультрарыночных” неофитов замечал, подтрунивая: “Они восхищены, как двести лет назад был восхищен Адам Смит тем, что *добро, видимо, проистекает от зла*”.

Д. К.: Факты заключаются в том, что постиндустриальный капитализм сильно отличается от того, что существовал раньше, и от того, что создали в России. Только пятая часть мирового богатства реальна. Остальные четыре пятых – это мобильные капиталы, глобальные финансы. Борьба происходит в сфере виртуального, и эта виртуальная сфера является самой настоящей черной дырой, в которой исчезает все, что раньше имело реальную стоимость.

Контрапункт мюнхенской речи

В. П.: “...Счастья баловень безродный, полудержавный властелин!” – сказано у Пушкина в “Полтаве” о Меньшикове, петровском фаворите и знатном мздоимце и выжиге. Сегодня меньшиковский тип – заправила и в бизнесе, и в коридорах власти. Почему так? Ведь в мире есть известные цивилизованные правила, обычаи, “лифты” вертикальной мобильности. Они основаны на профессиональном и карьерном успехе на госслужбе, в бизнесе, менеджменте корпораций, военной касте... Обязательные в “нормальном” буржуазном обществе, в России эти правила почти напрочь отсутствуют. Даже обычные рутинные процедуры карьерного продвижения в иерархии давно отринуты.

А ведь со времени переворота 1991–1993 годов лет миновало изрядно. Новые институты власти, иерархии, правопорядок и некая добропорядочная традиция во власти должны бы уже худо-бедно сложиться. Напротив, “революционный” раж все не унимается. И в высших эшелонах режима продолжают странное коловращение и “простота нравов”. Ко всему уж привыкли, ничего не диво, как вдруг, нежданно-негаданно, следует назначение министром обороны человека, который не имеет за душой никакого значимого, основательного военного и управленческого опыта. Еще лет восемь назад этот назначенец из “питерских” был менеджером в торговле мебелью, а потом вдруг в одночасье сделал головокружительную карьеру в питерском налоговом ведомстве. Как мы уже знаем, в городе на Неве такое случается.

Либеральные масс-медиа не упустили случая позлословить, что это еще один экспромт в неподражаемом стиле нынешней кадровой политики. И за ним – нескрываемая “клановость” выбора. Строили разные догадки, не скажу, чтобы вовсе досужие, почему Путин остановил свой выбор на такой необычайной кандидатуре для главы гигантского и сложного военного ведомства. При нынешнем, наконец-то, резком увеличении бюджетных трат на армию в систему Минобороны поступают крупные финансовые потоки. И надо бы, дают понять толкователи “экспромта”, за ними получше присматривать. Опытный в делах финансовых администратор придется к месту.

Кто с этим спорит! Но ведь речь-то не о военном интендантстве. Глава Минобороны призван не за финансовыми потоками присматривать. Он ответственен за обороноспособность, силы ядерного сдерживания, мобилизационную готовность, военную реформу. А узкой сферой военных финансов должен, конечно же, вестись профессиональный финансист. И в самом деле, при прежнем министре Сергее Иванове это была компетенция его заместителя госпожи Куделиной, занимавшей прежде аналогичную должность в Минфине.

И вовсе непостижимо, что смена караула в российском Министерстве обороны грянула тотчас после громогласной мюнхенской речи Путина. На Западе ее сочли недвусмысленным предвестием пересмотра, в сторону большей жесткости, оборонной доктрины России, восполнения убывающего, по мере старения, советского потенциала ядерного сдерживания. Возобновление не по воле России силовой политики и ядерного противостояния, после известных шагов США, действительно становится вероятным и даже, не исключено, неотвратимым при изменении военно-политической ситуации. В строку ли со столь драматическим контекстом смутный характер и подтекст кадровой интриги в Минобороны России? “Умом Россию не понять”?.. И не сделают ли трезвомыслящие западноевропейцы для себя благолепный вывод, что мюнхенская речь, наделавшая столько переполоху и замешательства в Европе и других частях света, на Ближнем Востоке в особенности, – риторическая эскапада, словесный поединок – и только? Это было бы досадно..

Что ни говори, контрмеры Кремля в ответ на натовский натиск на Восток напрашивались. Вместе с тем в политике Кремля, и это повелось с первых лет путинского президентства, не так уж и много было последовательного, волевого, зрелого. Ведь если случился открытый вызов России, когда, выступая в Капитолии, министр США обороны без обиняков заявил, что военная доктрина Белого дома не исключает, в перспективе, войну с Россией, с нашей стороны должен был последовать взвешенный и убедительный ответ. Можно было предположить, что Кремль проведет кадровую рокировку, поставит во главе оборонного ведомства кадрового военачальника – зрелого профессионала. В военной корпорации все еще есть из кого выбирать. Ведь назначил же Ельцин главой Минобороны генерала армии Игоря Родионова, и не скрывавшего своего прохладного отношения к президенту и его либеральной камарилье, которая держала армию и флот в черном теле. А тут в самый момент, когда военно-политическая обстановка вокруг России накаляется, “на усиление” в Минобороны направлен бывший торговый работник и налоговый. Вот уж поистине – “фельдфебеля в Вольтеры”, а фискала – в воинские начальники?

Д. К.: Должен сказать, что в масс-медиа и политических кругах европейских стран кадровая рокировка в Министерстве обороны РФ тоже стала поводом для разных домыслов и пересудов..

В. Б.: Западные издания любят порассуждать об “опасном”, русском “медведе”. Но назовите хоть один пункт коренных противоречий, многочисленных коллизий геополитических интересов США и России на протяжении первых семи лет президентства Путина, где Кремль проявил бы недвусмысленно политическую волю до конца и не стушевался. Зато сколько угодно примеров, когда Кремль, посостязавшись в дерзкой риторике в стиле булавочных уколов, попеняв “партнерам”, под венец делу сворачивал на попятную. Риторика Кремля все воинственней, а дела?.. На мой-то взгляд, нет никакой необратимости в заявленном Кремлем отрешении от компрадорской линии 90-х годов. И это видно насквозь, как водяной знак на долларовой купюре, что бы на ней ни было запечатлено снаружи. Нет, мосты не сожжены, и не произошло никакого, в содержательном смысле, необратимого размежевания России “новых русских” с “неблагодарной” Америкой. Новые хозяева России,

наладившиеся жить на два дома, на Альбионе и Рублевке, “сумлительные” великодержавные амбиции ВВП не празднуют. Библейское “Там, где сокровище твое...” — куда непреложней, чем великодержавная риторика наделавшей все-ленского переполоху мюнхенской речи. Пустое и зряшное дело — мания вашингтонских громовержцев причислять праволиберальный прозападный режим Кремля к антиамериканской “оси зла”. Тут блеф наезжает на блеф!

Д. К.: Мы, аналитики и публицисты, можем по-разному осмысливать метаморфозу России. Мнения расходятся, и много в ЕС говорится вздорного, но в критическом взгляде Запада на то, что существенно изменилось в России за последние годы, есть, как бы то ни было, и нечто совершенно непреложное. Такое, о чем Кремлю хорошо бы сполна отдавать себе отчет. Речь о демократических ценностях, но не в виде общего принципа и деклараций, а конкретно, применительно к поведению власти. На Западе общественное мнение и политические партии относятся к этому очень ревностно. Не так, как в России. Эту ревностность можно выразить в простых и ясных, как в катехизисе, утверждениях. Например, “вы не можете позволить себе содержать в каторжных условиях неволи Ходорковского, независимо от того, справедливо ли с ним обошлось правосудие или приговор сомнителен”. Такое не принято на Западе. Обычаи, менталитет, простое приличие гражданского общества это исключают. И очень многое из того, что у вас в России для поведения власти в порядке вещей, для западного сообщества предосудительно. Имидж российской власти из-за этого резко теряет.

Есть и еще кое-что в России, на что у нас тоже поглядывают косо. Но на этот раз, на мой взгляд, это уже совсем иные, неправые притязания. “Вы, Россия, не имеете права, не должны помышлять воссоединиться с Беларуссией. Беларуссия — “наша”. Ее настоящее призвание войти в сообщество европейских демократий”. А великороссы, как я понимаю, совсем напротив, считают Белую Русь неотъемлемой, в веках, частью исторической России. Запад же не принимает в расчёт чаяния русских и белорусов, не устает обличать “имперские” притязания Москвы. Вмешательство Запада во внутренние дела Беларуссии — от подстрекательства оппозиции до экономических санкций против Минска под фальшивым предлогом нарушения норм Международной организации труда, не будет ослабевать и впредь. У Запада в белорусской интриге крупная ставка: геополитическое сужение России. Они немало уже преуспели в противопоставлении Киева и Москвы, потому что и на Украине у Запада тоже есть геополитические корысти. Запад помышляет, что, если Украину он заполучит и “приютит”, впредь Великороссию можно списать, вычеркнуть из истории подобно Оттоманской империи. Чтобы как историческая данность она перестала существовать. И пока в 90-е годы во власти России подвизались покладистые личности, которые “во имя демократии” обеспечивали и на будущее сулили Западу полное геополитическое отсутствие России, — все было славно и замечательно. И вдруг возникает, откуда ни возьмись, Владимир Путин, политик с самостоятельным целеполаганием и поведением. И Запад очень “разочарован” и исполнен всяческого “негодования”.

В. П.: Политолог Стивен Козн, один из трезвых и вдумчивых аналитиков — “белая ворона” в американском экспертном сообществе, в недавнем интервью разъяснил, почему, на его взгляд, сегодняшние отношения США и России из рук вон плохие. Козн неспроста возвращается к приснопамятной встрече Буша-старшего и Горбачева на Мальте. В те роковые дни и ночи у ее берегов, к слову, разразился сильнейший шторм. Козн находился на месте событий в роли эксперта, вращался в кулуарах саммита и во многое, негласное, был, очевидно, посвящен. Потому для нас особенно ценно его свидетельство, что в итоговой Мальтийской декларации вовсе не для красного словца было провозглашено, что “холодная война” окончена. Стороны пришли тогда к согласию: нет ни победителей, ни побежденных, а есть взаимное избавление “сверхдержав” от непосильного уже бремени ядерного противостояния. Однако и года не прошло, как американские власти отступились от “духа Мальты”. Распавшийся по вине ренегатов из высшей номенклатуры КПСС и по умыслу наших либералов-западников СССР был выставлен “побежденным”.

Эта подмена смыслов не встретила никакого отпора, а была восторженно поддержана в раболепном ельцинском кругу “реформаторов”. При Ельцине Америка помыкала Кремлем и до сих пор мнит, что обладает “особыми пра-

вами по отношению к России”, – свидетельствует Коэн. Америка давно повадилась вмешиваться во внутренние дела России и сплошь нарушает свои обязательства. И чем дальше – тем пуще. Притязания республиканского Белого дома – не на шутку обеспокоен Стивен Коэн – доходят до того, чтобы решать за Россию, кому и по какой цене продавать природный газ и нефть. Он называет эти домогательства “сумасшедшими, нелепыми и смехотворными”. Не в бровь, а в глаз! То, что без обиняков высказал здравомыслящий американец Стивен Коэн, просто “кощунственно” для наших доморощенных либералов, которые, как ни крути, все еще преобладают в российском властном истеблишменте.

А меня, признаюсь, особенно озадачило другое утверждение Коэна: “... Плохая новость для будущего американо-российских отношений состоит в том, что все политики, которые выдвигают свои кандидатуры на президентские выборы 2008 года, требуют более жесткой политики по отношению к России”. Это живо напомнило мне Вашу, г-н Къеза, ссылку на саркастическое замечание Гора Видала, что неподражаемый американский политический “плюрализм” воплотился в “единой партии с двумя крыльями, причем оба правые”.

Д. К.: Да, Коэн верно ставит акценты. Америка ненасытна в своих геополитических притязаниях на постсоветском пространстве. Дескать, и Азербайджан с его каспийской нефтью – это “наше”, и Средняя Азия. Американская элита наотрез отказывается воспринимать Россию как суверенный, отдельный субъект мировой политики. Даже как “партнера” не жалуют, им нужен слуга. Поскольку Путин отбил от незавидной роли слуги по отношению к Вашингтону, он теперь решительно не ко двору. Европе между тем не очень-то нравится американское давление. И все-таки преобладающая часть всего Запада держится заодно с США против интересов России.

(Окончание следует)